

§8 ОБЩИНЫ И ЗЕМЛЯЧЕСТВА

Багдасарян В. Э.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ДИАСПОРА СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. Предметом исследования выступает состояние русскоязычной диаспоры в постсоветских республиках. Русскоязычные в представленной работе рассматриваются не только как этническая в основе своей группа — русские, но и страта, связанная с определенными профессиональными навыками и статусным положением. Положение русскоязычного населения на постсоветском пространстве рассматривается через призму трансформаций социальной и демографической структуры обществ бывших государств СССР. Произошедшие изменения на постсоветском пространстве в части русского вопроса рассматриваются в рамках общей теории распада цивилизационных и имперских систем. На основе исторического сопоставления определяются различные модели встроенности русскоязычного населения в общественные системы постсоветских сообществ. Проблемы русскоязычия раскрываются в контексте транзитного состояния постсоветских социумов. Выявляется общее и особенное протекания социальных и демографических процессов по бывшим республикам СССР в преломлении к проблемам русскоязычной части населения. Устанавливаются различия групповых идентификаций в рамках русскоязычной общности в мире. Раскрывается феномен демографического выдавливания и дискриминации русскоязычного населения в странах «ближнего зарубежья», объясняемый трендом постимперской дезинтеграции.

Ключевые слова: русскоязычные, ближнее зарубежье, идентичность, русский вопрос, демографическое выдавливание, латентная дискриминация, миграция, диаспора, соотечественник, демография.

Review. The subject of the research is the state of the Russian-speaking communities in the post-Soviet republics. The Russian-speaking population in this paper are considered not only as a basically ethnic group — Russians, but also as a stratum connected with certain professional skills and status position. The position of the Russian-speaking population in the former Soviet Union is considered through a lens of the transformations of social and demographical structure of the former USSR societies. The changes that took place in the former Soviet Union countries regarding the Russian question are considered within the framework of the general theory of civilisational and imperial collapse. Based on historical comparison, the author defines different models of the integration of the Russian-speaking population into

the public systems of post-Soviet societies. The problems of Russian-speaking population are revealed in the context of transit state of post-Soviet societies. The article reveals common and peculiar features of social and demographical processes in the former USSR republics regarding the problems of the Russian-speaking part of population. The article highlights the differences of group identifications within the Russian community around the world. The author discloses the phenomenon of demographical extrusion and discrimination of the Russian-speaking population in the former Soviet Union countries, which can be explained by the trend of post-imperial disintegration.

Keywords: migration, latent discrimination, demographic extrusion, The Russian question, identity, former Soviet Union, Russian-speaking, diaspora, compatriot, demography.

ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ, ЕЕ АКТУАЛЬНОСТЬ

Общественная актуальность представленной темы исследования определяется остротой вопроса о положении русскоязычного меньшинства на территории бывших союзных республик СССР. Остроту сложившейся ситуации отражает ряд конфликтов на национальной почве, прецеденты дискриминации, миграционного оттока русскоязычных, смена идентичностей и др. Широкое распространение в общественном дискурсе стран «ближнего зарубежья» получило понятие «русский вопрос». Он применительно к теме исследования включает в себя следующие проблемные постановки:

- взаимоотношение русскоязычной части населения и титульной нации;
- степень адаптивности русскоязычных к новой системе жизнеустройства;
- степень консолидированности русскоязычных;
- характер профессиональной занятости русскоязычного населения;
- уровень представленности русскоязычного населения в политических, культурных и научных элитах;
- иммиграционная динамика русскоязычного населения;
- статус русского языка; политическая активность и формы политической организации русскоязычного населения;
- русская культура в инокультурной среде;
- деятельность РПЦ на пространстве «ближнего зарубежья»;
- состояние русской идентичности; саморепрезентация русскоязычных, ассимиляционные процессы, соотношение русской и гражданской идентичностей;
- образ русского и русскоязычного в массовом сознании, СМИ, культурной продукции, исторической литературе.

За время прошедшее с распада СССР, проблемы связанные с темой русскоязычия, выражались различными историко — событийными проявлениями. Варьировались по странам модели их

решения. На настоящее время актуализируется необходимость процессного рассмотрения темы русскоязычия в комплексном анализе применительно ко всему пространству «ближнего зарубежья». Исторические исследования такого рода до настоящего времени не проводились.

Существенно трансформировалась с начала 1990-х годов социальная и демографическая структура постсоветских обществ. Изменение положения русскоязычных явилось одной из наиболее значимых и во многих отношениях определяющей структурной трансформацией. Произошедшие изменения целесообразно рассмотреть в рамках общей теории распада цивилизационных и имперских систем. Тенденция перехода русскоязычного населения к периферийному положению в структурах обществ стран «ближнего зарубежья» определяется, с одной стороны, последствиями распада СССР, формированием новых национально-государственных суверенитетов. Вместе с тем, некоторые тенденции изменения положения русских обнаруживаются латентным образом еще в позднесоветский период. Имеющийся комплекс материалов статистического, социологического, нормативно-правового, информационно-новостного и публицистического происхождения позволяют провести репрезентативную реконструкцию соответствующих исторических процессов.

Другая сторона проблемы состоит в выстраивании системы отношений между русскоязычным населением бывших республик СССР и Российской Федерацией. Включение этих отношений в ведение государства определило необходимость формирования соответствующей государственной политики. Ввиду того, что около 2/3 лиц, представляющих русское зарубежье, проживает в бывших республиках СССР, политика РФ в отношении соотечественников за рубежом определяется, в первую очередь, территориальными рамками постсоветского пространства. За более чем двадцатилетний период применялись разные подходы и модели реализации государственной политики РФ в отношении к русскоязычному населению «ближнего зарубежья». Оценить степень их эффективности возможно при

комплексном анализе истории соответствующего направления государственной политики и управления России.

В историографии истории русского зарубежья постсоветскому пространству уделяется, как известно, значительно меньшее внимание, чем более дальним страновым ареалам. Проблема трансформации положения русскоязычного населения в структуре обществ стран «ближнего зарубежья» исследуется главным образом в рамках демографических, социологических, политологических, но, за редким исключением, не исторических работ. Сложившееся положение не позволяет в должной мере отразить произошедшие трансформации в качестве исторического процесса, а соответственно, определить изменчивость контекста и факторных составляющих исследуемой темы. В представляемом исследовании положение численно преобладающего в СССР русского населения рассматривается через призму распада единого, связываемого в значительной мере фактором русскоязычия социокультурного пространства.

ФЕНОМЕН

«ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЫДАВЛИВАНИЯ»

В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Традиционно «русское зарубежье» рассматривается как единый социокультурный феномен. Такой взгляд находит соответствующее отражение в государственной политике в отношении соотечественников за рубежом. Однако анализ социальных, социокультурных и демографических проблем в сравнении «дальнего» и «ближнего» зарубежья показывает их принципиальные параметральные отличия. Фиксация данных различий приводит к заключению о необходимости применения различного методического инструментария в изучении истории указанных ниш русскоязычного мира.

Численность русских «ближнего» зарубежья значительно выше, чем «дальнего» (около 70%)^[1, 2]. При этом в отечественной гуманитаристике сложился явный диспаритет в пользу изучения «русского мира» «дальнего зарубежья». По количеству защищенных по разным отраслям науки диссертационным исследованиям «ближнему зарубежью» посвящено только 19% от всех диссертаций, связанных с «русским миром». Обнаруживается, таким образом, явное противоречие между демографическими параметрами и исследовательской направленностью.

Столетнее измерение демографической ситуации четко фиксирует тенденцию понижения потен-

циалов рождаемости у русского населения, в сравнении с другими, объединенными с ним в единое государство народами. Его положение в Российской империи отражалось наивысшими показателями рождаемости. Репродуктивность женщин православного исповедания была в ней в конце XIX века почти в полтора раза выше, чем у мусульманок. Через столетие РСФСР, по статистике на 1940 г., занимала, при общем коэффициенте рождаемости в 33‰, четвертое место среди союзных республик. Впереди нее по этому показателю находились Армянская, Казахская и Узбекская ССР. Показательно, что первая строчка принадлежала стране христианского культурного ареала — Армении, опровергая тем самым популярный тезис об исключительной репродуктивной ориентированности народов исламского мира. При истечении следующего столетия, по данным на 1986 г., РСФСР, с общим коэффициентом рождаемости в 17,2‰, опустилась уже на десятое место среди пятнадцати союзных республик. Для сравнения, находящийся на первой строчке Таджикистан имел в это же время показатель в 42‰. При общем снижении уровня репродуктивности в Советском Союзе в трех из союзных республик — Таджикской ССР, Узбекской ССР и Туркменской ССР за обозначенные столетия он возрастал. Рождаемость у таджиков к концу советского периода была в опровержение теории демографического перехода заметно выше, чем у них же столетием ранее. Таким образом, высокий уровень репродуктивности в СССР удалось сохранить (а то и увеличить) лишь тем народам, которые за внешней советской идеологической маркировкой сумели сохранить приверженность этническим традициям. Детрадиционализация же русского народа затрагивала сами ментальные стороны его существования^[3, 4, 5].

К концу советской эпохи желание иметь потомство было у русских женщин подавлено в большей степени, чем у представительниц любой титульной национальности в союзных республиках. Репродуктивная ориентированность у них оказывалась даже ниже реального уровня рождаемости. По показателю ожидаемой численности детей русские прочно занимали последнюю строчку. Цифра в 1946 ожидаемых детей на тысячу опрошенных замужних женщин не обеспечивала бы, при соответствии ее с реальной динамикой рождаемости, обычного воспроизводства. На предпоследнем месте по этому показателю находились близкие в культурном отношении украинки, предполагавшие иметь 2059 человек потомства, что уже, по меньшей мере, позволяло воспроизводить численный состав нации. Для

сравнения, замужние туркменки (первое место) ожидали в это же время родить на тысячу женщин 6356 детей. Расхождения между ожидаемой и желаемой численностью потомства, как правило, согласно утверждению демографов, незначительны^[5].

Демографический кризис на постсоветском пространстве действовал этнически неоднородно. Охватив все без исключения регионы бывшего СССР, он имел различные масштабные последствия, скорость протекания, продолжительность для разных этносов. Применительно к русскому (русскоязычному) населению он имел наиболее тяжелые проявления. Характерно, что он относился не только к русским, проживающим в Российской Федерации, но и других государствах постсоветского пространства. Демографический кризис среди русскоязычных, несмотря на некоторые обнадеживающие показатели последних лет, не преодолен до настоящего времени^[6].

Демографический кризис среди русского населения на постсоветском пространстве проявляется не только в снижении показателей рождаемости, возрастании смертности, сокращении продолжительности жизни, но и миграционном оттоке^[7–17]. Симптомы будущего этнически избирательного демографического кризиса обнаруживаются уже в позднесоветский период. Демографические показатели у русскоязычного населения уже тогда были хуже, нежели у населения титульных наций советских республик. Причин этому несколько:

- опережающая детрадиционализация, связанная с преимущественной занятостью в индустриальном секторе и нишах интеллектуального труда;
- неартикулированность русского позиционирования в идеологии СССР и связанная с этим эрозия русской идентичности;
- «имперский перегрев», определяемый преимущественными социальными и экономическими нагрузками в системе функционирования советского общества.

Советская система центр-периферийных отношений принципиально отличалась от традиционной метропольно-колониальной модели Центр — Периферия. Для иллюстрации принципиального отличия советского проекта от модели миростроительства метрополия — колония с ее современными модификациями можно рассмотреть соотношение производства и потребления по республикам Советского Союза. Экономические и социальные предпочтения, в диссонансе с логикой колониальных империй, предоставлялись окраинам. Из всех республик СССР только геополитически обра-

зующая РСФСР да еще Белоруссия производили больше, чем потребляли. У всех остальных вклад в производство был ниже доли в потреблении. Наименьшим такой разрыв имела Украина.

Уже в позднесоветский период русские уступали не только по показателям рождаемости, что можно было бы объяснить переходом к индустриальному укладу, но и продолжительности жизни. Продолжительность жизни является, как известно, индикатором качества условий существования человека. Тем не менее, на 1989 г. продолжительность жизни русских составляла 64,6 лет, что являлось двенадцатым показателем среди пятнадцати титульных наций СССР. Лучший показатель продолжительности жизни имели грузины — 68,6 лет, худшие туркмены — 62,1 лет^[18].

Показатели динамики численности русского населения в советских и постсоветских республиках позволяют фиксировать факт «этнического вытеснения». Первый этап — латентное вытеснение, второй — фактически прямое. До 1970-х гг. по всем союзным республикам удельный вес русских возрастал^[19]. В позднесоветский период данный тренд был изменен. По большинству республик сохранялось статус-кво. По закавказским республикам и Туркмении доля русских уже тогда снижается. С начала 1990-х годов снижение доли русских по всему постсоветскому пространству приобретает характер «обвала». Стабилизация доли русского населения в 2000-е годы происходит в небольшом количестве республик. В большинстве случаев высокая динамика сокращения удельного веса русских сохранилась. По постсоветскому пространству в целом удельный вес русских в структуре обществ республик бывшего СССР сократился к уровню 1979 года в два раза^[20, 21].

Решающим фактором сокращения удельного веса русского населения в бывших республиках СССР стала эмиграция. Дополнительными факторами — отрицательные показатели естественного воспроизводства населения, ассимиляция, смена идентичности. Наиболее значительным явился эмиграционный отток русских за период 1989–2010 гг. в Грузии — 85,3% и Таджикистане — 82,5%. В обоих случаях, как и в занимающей третью позицию по этому показателю — Армении, сыграли роль военные обстоятельства. Грузия находилась в 2008 г. в прямом конфликте с Российской Федерацией, что не могло ни сказаться на соответствующих эмиграционных потоках.

Обращает при этом внимание наименьший, в сравнении с другими республиками, эмиграционный отток в долевого отношении русских из стран

Прибалтики. Но даже в имеющей наименьший показатель Эстонии — это более четверти русских от советского уровня. Даже в комплиментарной к русской идентичности и тем более к русскоязычю Белоруссии иммиграционный отток русских составил 44,8% [22].

Судя по данным социологических опросов, для большинства русских, мигрировавших из бывших союзных республик, распад СССР имел характер «культурного шока». Подавляющее большинство (87,5%) воспринимало национальные республики либо в качестве неделимых частей Советского Союза, либо, признавая незначительную национальную специфику. Более половины не видели и специфических отличий национальных республик от РСФСР. Всегда чувствовали русских чужими в национальных республиках 7,9% респондентов, ощущали сильное стремление коренной нации к обособлению 2,3%. Совокупно доля лиц, видящих факт конфликтных отношений русские — автохтоны составляла, таким образом, 10,2%, что является достаточно высоким показателем в условиях государственной пропаганды советского интернационализма [23, 24].

Наличие конфликта фиксируется в различиях выстраивания исторического сознания русского и автохтонного населения бывших республик СССР. Ключевой вопрос расхождений — оценка роли русских для национальной периферии. В оценке русских респондентов — русские исторически играли прогрессивную роль, помогали другим народам СССР. Среди автохтонного населения распространен, варьирующийся по республикам, взгляд, что русские всегда стремились к господству и подавлению других народов. В прибалтийских республиках и Молдавии такой взгляд среди автохтонного населения является доминирующим. В Киргизии и Украине (до кризиса 2014 г.) он хотя и не доминирует, но имеет много сторонников. При таком расколе исторического сознания интегрировать русских в идентичность гражданской нации соответствующих общностей представляется проблематичным [25, 26].

«РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

«Русский мир» не представляет собой единства ни в идейном, ни в ценностном отношении. Страна проживания определяет в значительной мере соответствующие идеологические предрасположенности. Фиксация идеологического раскола в «русском мире» выводит на проблему различия

идентичностей, объединяемых традиционно под маркером русскоязычия. Нерешенной остается проблема критериев отнесения к «русскому миру». Эта проблема имеет актуальность при формировании политики по поддержке соотечественников. Федеральный Закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» представляет следующий подход:

«Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии.

Под понятием «соотечественники за рубежом» подразумеваются:

- граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации;
- лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе
- лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;
- выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства».

Фактор русской идентификации в такой версии трактовки соотечественников отсутствует. Это вызывает критику со стороны части экспертного сообщества и общественности.

Мировой опыт дает примеры и этнической трактовки категории «соотечественник». Из данного подхода исходит, в частности, германское законодательство: «Это лицо немецкой национальности, тот, кто имеет немецкое происхождение (кто-то из родителей — мать или отец — немец); кому родителями или другими родственниками были привиты такие подтверждающие признаки, как немецкий язык, немецкое воспитание, немецкая культура; тот, кто признает себя немцем». На этни-

ческой основе определяется категория «соотечественник» и в законодательстве Израиля: «Это лицо, имеющее документально подтверждаемое этническое происхождение. Нередко владение языком данной этнической группы и определенное вероисповедание являются ожидаемыми и желательными с точки зрения ускорения процесса последующей интеграции в общества страны исхода».

Проблема выхода из противоречия между необходимостью целевой поддержки «русского мира» и угроз установления этнических преференций пока решена в российском законодательстве в пользу варианта, предупреждающего преференционные (а соответственно, и дискриминационные) последствия.

Дифференциация по идентичностям (этническим, конфессиональным, социальным) внутри российской эмиграции имеет принципиальное значение для понимания миграционных факторов-мотиваторов. Российская эмиграция не только не тождественна русской эмиграции, но зачастую мотивируется конфликтными, или квазиконфликтными отношениями с русской идентичной общностью.

В этнической структуре эмиграции из Российской империи в США в начале XX века русские составляли 2,3%. Доминировали компоненты еврейская — почти половина эмигрантов и польская — почти четверть. Заметно превышали численность русских, прибывшие из Российской империи эмигранты литовцы и немцы. Данная структура определяла в целом негативное отношение эмигрантов и России к русскому самодержавию, поддержку соответствующей политики США [27, 28].

В национальном составе «второй волны» эмиграции из СССР русские составляли 7%. Наиболее значительным был долевой вклад украинцев 32,1% и латышей — 24,2%. Отношение к русской идентичности в этой части эмиграции было определено негативно [29, 30].

Согласно классификации Дж. Берри, существует четыре типа адаптации мигрантов к стране пребывания: интеграция; ассимиляция; сепарация; маргинализация [31]. Принципиально важно определить по какому сценарию аккультурации развивается «русское зарубежье». Совокупность имеющихся источников позволяет сделать вывод о доминировании сценариев ассимиляции и маргинализации. Для стран «дальнего зарубежья» преобладает ассимиляционный вариант. Для республик постсоветского пространства — умеренно маргинализационный. Интеграционный не допускается ввиду угроз усиления русского политического влияния. Сепарационный оказы-

вается невозможен ввиду эрозии и размывости русской идентичности.

Опросы представителей русского «дальнего зарубежья» разных поколений позволяют четко фиксировать ассимиляционные тенденции. Для первого поколения эмигрантов русская идентичность сохраняет актуальность для половины эмиграционной общности. Во втором поколении она сохраняется только у 8%. Главным фактором сохранения связей с русским миром является для обоих поколений русский язык [32].

Значимость факторов, определяющих принадлежность к русской идентичности, для «дальнего» и «ближнего» зарубежья имеет принципиальные различия. Наиболее значимым фактором для русской общности «дальнего зарубежья» является Православная Церковь. Для «ближнего зарубежья» данный фактор на третьей позиции. Наиболее весомым фактором сохранения «русскости» для ближнего зарубежья является семья и семейные ценности. В обеих частях «русского мира» наименее значим фактор поддержки из России. Данное обстоятельство прямо указывает на достаточно низкую эффективность политики поддержки соотечественников за рубежом. Для «дальнего зарубежья» достаточно весомую роль (третья позиция) играют русские национальные организации. В «ближнем зарубежье» уровень организационного объединения русских существенно ниже (предпоследняя позиция в факторном перечне) [33].

Русская идентичность в самоидентификации этнически русского населения в постсоветских республиках не является основной. В структуре идентичностей она на второй позиции в Молдавии и Грузии, на четвертой в Белоруссии, пятой — Украине и Казахстане. Первая идентичность на Украине и в Грузии — житель республики, Белоруссии — представитель титульного населения, Молдавии и Казахстане — советский. Фиксируется исторический парадокс: в целом идентичность советский для русского населения оказывается более значима, чем идентичность русский. В усредненном по республикам значении советская идентичность оказывается основной у 23% этнически русского населения, русская — только у 13%. Запрос на идентичность «советский» отражает реальную востребованность реинтеграционной модели идентификации [34].

Фактор православия, как уже указывалось выше, не используется с должным потенциалом для поддержания идентичности и консолидации русских в странах «ближнего зарубежья». Значительная часть русскоязычного населения,

идентифицирующего себя в качестве «русских», не принимают идентичности «православные». Сказывается, очевидно, советская нерелигиозная традиция идентификационного строительства.

Сказывается и возможность (а главное — готовность) принятия русским населением иных идентичностей. Построение идентичностей связано с принятием соответствующей аксиологической модели. Отсутствие модели ценностного строительства «русского мира» определяет дрейф к иным, артикулированным ценностным платформам (в частности, платформе общеевропейской идентичности).

Результаты проведенных специальных исследований по Эстонии и Литве о причинах, препятствующих объединению русских дали следующие результаты. Эстония: условия жесткой антирусской политики правительства (сокращение сфер присутствия русского языка, исключение русских из большой политики и экономики и пр.); дестабилизация политических отношений России и Эстонии; территориальная локализация русского населения на территории Эстонии, что сокращает возможности его общения и проведения совместных мероприятий; возможности миграции русских в Европу при усилении давления на русское население со стороны правительства Эстонии как альтернативной реакции, замещающей создание консолидированной общины; традиционная склонность русских объединяться только в экстремальных условиях, что подтверждается историческим опытом существования русских общин и диаспор; готовность смены русской идентичности на «большую европейскую идентичность». Литва: отказ от самоидентификации как национального меньшинства; конкуренция лидеров общественных организаций (60 русскоязычных организаций); отсутствие харизматичного лидера в политике; тенденция миграционных процессов (снижение доли русских); специфика исторического сознания русских — «нас всегда могут ткнуть недавним», ... «вы тут пятая колонна»; безразличное отношение России к проблемам соотечественников; отсутствие материальной поддержки русскоязычной общины и финансирования объединяющих проектов со стороны местного бизнеса; готовность смены русской идентичности на «большую европейскую идентичность. В обоих случаях фиксируется готовность отказа от русской идентичности в пользу «большой европейской»^[35]. Фактически речь идет о настроениях, сходных с мотивацией Евромайда на Украине.

ПРОБЛЕМА ЛАТЕНТНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Анализ статистических данных и результатов социологических мониторингов позволяют фиксировать реальную практику латентной дискриминации русского населения в постсоветских республиках^[36–43].

Опросы показывают наличие критических симптомов в психологическом ощущении респондентов в связи с их русской идентичностью. С одной стороны, ведущим мотивом является гордость в связи с принадлежностью к русской нации. Однако суммарно различные составляющие пониженных самооценок и индифферентного отношения в связи с принадлежностью к русским имеют от 41,5 в Молдавии до 60,9% в Литве. По Литве доля респондентов с пониженной самооценкой в связи с принадлежностью к русским даже несколько превышает долю респондентов с повышенной самооценкой. Такое положение при усилении дискриминационных практик (пример Украины) грозит появлением рецидивов комплекса национальной неполноценности^[44].

Опросы русскоязычного населения о фактах дискриминации их по национальному признаку дает основание говорить о высокой распространенности данного явления. На вопрос «Чувствовали ли Вы себя ущемленным(ой) из-за национальной принадлежности?» 52,9% русскоязычного населения ответило о постоянной дискриминации. Отвергают наличие дискриминационной практики только 3,9% русских.

Основные дискриминационные направления — сфера занятости (86,3%) и сокращение вещания на радио и телевидение на русском языке (61,6%). Вторую группу составляют сферы — образования, воспитание детей, переименование поселений, улиц, учреждений.

Статистика подтверждает репрезентативность социологических опросов. По доли безработных русские имеют более высокие показатели в сравнении с представителями титульной нации. Это наглядно прослеживается, в частности, по данным динамики безработицы среди русских и эстонцев, проживающих в Эстонии.

По мере отдаленности от времени существования единого советского государства обостряется языковая проблема. В СССР владение русским языком было фактически всеобщим. Постепенно доля знающих русский язык снижается. Соответственно, возникают сбои в коммуникациях и понимании между титульным этносам и русскоязычными. Языковой фактор, как известно, стал одним из главных детонаторов конфликта на Украине.

Около 12% населения постсоветских государств уже фактически не понимают или с трудом понимают русскую речь ^[45].

С другой стороны, и русское население психологически сопротивляется изучению языка титульной нации. Свободно владеет языком титульной нации только 16% русских «ближнего зарубежья», практически не владеет — 37%. При этом в стратегии жизни установка овладеть языком титульной нации в большинстве случаев отсутствует.

Как правило, поколения детей оказываются более адаптивны в языковом отношении, в сравнении с поколением родителей. От поколения к поколению усиливаются ассимиляционные тенденции. Так происходило, в частности, с русской эмиграцией «дальнего зарубежья». Принципиально иначе выглядят поколенческие показатели владения языком титульной нации русскими в республиках «ближнего зарубежья». Дети и внуки владеют языком титульной нации заметно хуже первого поколения русских переселенцев. Объяснение данному феномену связывается с отсутствием видения долгосрочной перспективы проживания русских в соответствующих республиках ^[46, 47].

При этом необходимо отметить различия по республикам бывшего СССР политики в отношении русскоязычной части общества. Различия подходов отражается в формате закрепления статуса русского языка:

- государственный язык (Белоруссия, Южная Осетия, Приднестровье);
- официальный язык (Казахстан, Киргизия, Абхазия);
- язык межнационального общения (Таджикистан);
- официальный язык на региональном уровне (Украина, Молдавия, Румыния);
- иностранный язык (Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Армения, Азербайджан, Узбекистан, Туркмения).

Россия для значительной части населения постсоветских государств перестала восприниматься в качестве культурного аттрактора. Данная тенденция не связана напрямую с политикой в отношении России соответствующих государств. В условиях свободного информационного обмена значимость российской культуры снижается, будучи оттеснено культурной продукцией иных стран (прежде всего, западных). В этих реалиях исторический образ русского, как носителя культурной миссии для национальной периферии нивелируется. Это сказывается соответственно и к русскоязычному населению, в равной мере — и к русскому языку.

Информационная кампания по негативизации образа «русского» не была остановлена после обретения республиками фактической суверенности. В рамках проекта был проведен расчет по ведущим СМИ постсоветских государств в отношении использования негативных коннотатов со словом «русский». По результатам частотного контент-анализа был обнаружен устойчивый рост негативных адресаций, связанных с маркером «русские». Характерно, что он не связывается с известными событиями 2014 года. В отношении к русскому населению — гражданам постсоветских государств эта кампания имеет дискриминационный характер, переходя критический порог ксенофобии.

Для постсоветского пространства в целом характерен повышенный градус ксенофобии. Об этом свидетельствуют, в частности, данные по республикам бывшего СССР, полученные на основании расчетов по шкале социальной отчужденности Богардуса. Такое исследование было, к примеру, проведено в 2012 году Институтом прав человека и предотвращения экстремизма и ксенофобии, мониторировавших уровень ксенофобии на Украине ^[48]. Условный уровень выше 3 единиц определяется как отчужденность, выше 5 — ксенофобия. Был обнаружен крайне высокий уровень ксенофобии в украинском обществе. При этом отчужденное или враждебное отношение демонстрируется ко всем народам. Наиболее ксенофобским регионом оказывается именно Западная Украина. Запад Украины более терпим, чем Восток только в отношении к американцам, канадцам и полякам. И именно западноукраинский регион, в котором на интервале ксенофобии — от 5 и выше условных единиц, находилось отношение к евреям, азиатам, арабам, неграм, цыганам, кавказцам, румынам, продуцировал конфликтную повестку для Украины через два года после проведения мониторинга.

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ
Фактор этнического выдавливания русского населения мог бы потенциально привести к репатриации русского населения в Россию. Данная тенденция, действительно, обнаруживается. Однако она проявляется не в той мере, в которой ставятся задачи программами возвращения соотечественников. Около 30% русских, уезжающих из бывших союзных республик, едут не в Россию. Направленность миграций граждан других национальностей принципиального отличия от русской миграции не име-

ют. Разность между ними по доле, эмигрирующих в Россию, составляет только 10% [22].

Государственная программа по организации добровольного переселения соотечественников, проживающих за рубежом, оказалась акцентирована фактически исключительно на трудовом канале миграции. Реализуется подпрограмма «Трудовая миграция». Не используются (или используются минимально) другие потенциальные каналы — учебный, гуманитарный, коммерческий, культурный, научный. Использование их предполагало бы появление новых подпрограмм: «Возвратной миграции молодежи», «Возвратной миграции многодетных семей», «Возвратной миграции предпринимателей», «Возвратной миграции деятелей культуры», «Возвратной миграции научных работников».

Мировой исторический опыт свидетельствует в пользу комбинированной модели реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом. В зависимости от страны, положения в ней русскоязычного населения могут применяться — диаспоральная модель (Китай, Армения, Турция) репатриационная модель (Германия, Израиль) и репатриационно-диаспоральная модель. Исключается конфронтационная модель, исторически реализованная в СССР (восприятие русского зарубежья как средоточия враждебных сил по отношению к советской власти).

РЕЗЮМЕ

Начало кризиса русскоязычного мира на пространстве «ближнего зарубежья» фиксируется позднесоветским периодом истории. В отдельных республиках он начался еще в 1970-е годы. Проявлением кризиса явилось «демографическое выдавливание» русских и русскоязычных из национальных республик. Ускоренный миграционный отток русскоязычных был связан с распадом СССР. По большинству республик бывшего СССР тренд сокращения удельного веса русскоязычного населения не преодолен до настоящего времени.

В рассматриваемый исторический период проявляется также тенденция эрозии русской идентичности на постсоветском пространстве. Кри-

тической проблемой оказалось отсутствие скреп «русского мира» в условиях зарубежья. Выявляются значимые (по некоторым параметрам — существенные) различия в выстраивании системы идентичностей и в целом — в ценностном позиционировании русских диаспор «дального» и «ближнего» зарубежья. Был сделан вывод, что из всех возможных сценариев аккультурация русскоязычного населения большинства постсоветских республик оказалось в состоянии умеренной маргинализации. Фиксируется латентный конфликт в формировании исторического сознания русского населения и титульной нации. Обнаруживаются принципиальные барьеры включения русскоязычного населения постсоветских государств в систему идентичности новых гражданских общностей. Заслуживающим дальнейшего анализа является диагностируемый вывод о сохранении в русскоязычных сегментах обществ национальных республик бывшего СССР идентичности «советские».

На основании статистических и социологических данных можно сделать вывод о наличии варьируемого по постсоветским странам феномена латентной дискриминации русскоязычного населения. Опасной тенденцией представляется усиливающееся культурное обособление от России автохтонных сообществ [49]. По контенту СМИ прослеживается реализуемая информационная кампания негативизации образа русских, позиционирования их в качестве исторического врага соответствующих общностей. Этот вывод подтверждается также данными о росте ксенофобии в постсоветский период в странах бывшего СССР.

В качестве ключевого вопроса рассматриваемой проблемы определяется фактор русского языка и политики постсоветских государств в отношении русскоязычия. Фиксируется принципиальное различие в подходах по отношению к русскому языку в постсоветских государствах.

Обобщение исторического опыта и проведенный сравнительный анализ приводит к выводу о целесообразности диверсификации по странам моделей диаспоральной и репатриационной политики в отношении соотечественников за рубежом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Эмигрантика.ру. Русское зарубежье // <http://www.emigrantika.ru/>
2. Электронная библиотека «Россия Вне России» // <http://www.lib.unc.edu/savine/RBR/ru/index.html>
3. Иоффе Я. А. Мы и планета: цифры и факты. М., 1988. С.132
4. Араловец Н. А. Городская семья в России 1897–1926 гг. С.73
5. Население мира: демографический справочник. М., 1989. С.32–48.
6. Якунин В.И, Сулакшин С. С. и др. Государственная политика вывоза России из демографического кризиса. М.: Научный эксперт, 2007.

7. Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru/>
8. Мультистат. Многофункциональный статистический портал // <http://www.multistat.ru/>
9. Demographia.ru. <http://www.demographia.ru/>
10. Держстат України, 1998–2015 // <http://www.ukrstat.gov.ua/>
11. Государственная статистика Латвии // Centrālā statistikas pārvalde <http://www.csb.gov.lv/>
12. Департамент статистики при правительстве Литвы // <http://www.stat.gov.lt/>
13. Государственная статистика Казахстана // http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?_afriLoop=45685784365158
14. Государственная статистика Белоруссии // www.belstat.gov
15. Государственная статистика Узбекистана www.stat.uz/index.php // Статистика <http://www.stat.gov.az/indexen.php>
16. Государственная статистика Армении // www.armstat.am/ru/
17. Статкомитет Киргизии // www.stat.kg
18. Население мира: демографический справочник. М., 1989.
19. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 7. Миграция населения, число и состав семей в СССР. М., 1974.
20. Рыбаковский Л. Л. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 1996
21. Рыбаковский Л. Л. Прикладная демография. М., 2003.
22. Миграция. Статистический сборник. М., 2013.
23. Идентичность в странах Балтии и СНГ. М, 2011
24. Завьялова М. В. Этнические автостереотипы русских в странах Балтии // www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_zavjalova_baltija.doc
25. Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах / Отв. ред. С. С. Савоскул. М.: Институт этносоциологии и антропологии РАН. 1996
26. Савоскул С. С. Русские нового зарубежья. М.: Наука, 2001.
27. Ионцев В. М., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окорочков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 29–30
28. Кабузан Н. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1917–1989). Формирование этнических границ русского народа. СПб., 1997. С. 307.
29. Земсков В. Н. Рождение «второй эмиграции». 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 21
30. Ионцев В. М., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окорочков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 78–80.
31. Берри Джон В., Пуртинга Айп Х., Сигалл Маршалл Х. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007
32. Толстой М. Н., Чельшев Е. П., Лупырьев А. В. Конгресс соотечественников. М., 1992.
33. Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
34. Edwin Poppe & Louk Hagendoorn. Types of Identification among Russians // Near Abroad. Europa-Asia Studies, Vol.53. № .1, 2001. 57–71
35. Русская диаспора в странах Прибалтики. Таллинн, 2012.
36. Бузаев В. В., Никифоров И. В. Современная европейская этнократия: нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М. 2009
37. Иванов Н. Б. Русские в Туркмении. М., 2000
38. Мурадов Г. А., Полоскова Т. В., Затулин К. Ф. и др. Справочник российского соотечественника. М.: Русский мир. 2009
39. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. А. Дробижевой, Е. Головахи. М., 2007
40. Нигматуллина Р. К. Проблема русскоязычного населения. М., 2010
41. Русские в ближнем зарубежье. По материалам сравнительного этносоциологического исследования в Эстонии и Узбекистане, М., 2010
42. Святенков П. Н. Русские за рубежом. М., 2006
43. Тульский М. С. Итоги переписи 2001 года в Литве. Кишинев, 2003

44. Завьялова М. В. Этнические автостереотипы русских в странах Балтии // www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_zavjalova_baltija.doc
45. Динамика использования русского языка в повседневном общении в странах постсоветского пространства (2005–2010 гг.) // <http://www.russkiimir.ru/analytics/tables/news/67943/>
46. Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы / под ред. В. М. Скринника, Т. В. Полосковой. М., 2004
47. Яценко Е. Русский язык в дальнем зарубежье. Способны ли русскоязычные сохранить великий и могучий? // Демоскоп Weekly. № 329–330. 2008.
48. Аналитический отчет по результатам исследования «Региональная толерантность, ксенофобия и права человека в Украине в 2012 году» // www.ihrpex.org/upl/doc/zvit_sich_2013_58_ros_60.docx
49. Хилько Н. Ф. Локализация механизмов национально-культурной идентификации в народных традициях россиян // Культура и искусство. — 2014. — 3. — С. 300–306. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.3.12024.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Emigrantika.ru. Russkoe zarubezh'e // <http://www.emigrantika.ru/>
2. Elektronnaya biblioteka 'Rossiya Vne Rossii' // <http://www.lib.unc.edu/savine/RBR/ru/index.html>
3. Ioffe Ya. A. My i planeta: tsifry i fakty. M., 1988. S.132
4. Aralovets N. A. Gorodskaya sem'ya v Rossii 1897–1926 gg. S.73
5. Naselenie mira: demograficheskii spravochnik. M., 1989. S.32–48.
6. Yakunin V.I, Sulakshin S. S. i dr. Gosudarstvennaya politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa. M.: Nauchnyi ekspert, 2007.
7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki // <http://www.gks.ru/>
8. Mul'tistat. Mnogofunktsional'nyi statisticheskii portal // <http://www.multistat.ru/>
9. Demographia.ru. <http://www.demographia.ru/>
10. Derzhstat Ukraini, 1998–2015 // <http://www.ukrstat.gov.ua/>
11. Gosudarstvennaya statistika Latvii // Centrālā statistikas pārvalde <http://www.csb.gov.lv/>
12. Departament statistiki pri pravitel'stve Litvy // <http://www.stat.gov.lt/>
13. Gosudarstvennaya statistika Kazakhstana // http://www.stat.gov.kz/faces/homePage?_afLoop=45685784365158
14. Gosudarstvennaya statistika Belorussii // www.belstat.gov
15. Gosudarstvennaya statistika Uzbekistana www.stat.uz/index.php // Statistika <http://www.stat.gov.az/indexen.php>
16. Gosudarstvennaya statistika Armenii // www.armstat.am/ru/
17. Statkomitet Kirgizii // www.stat.kg
18. Naselenie mira: demograficheskii spravochnik. M., 1989.
19. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1970 goda. T.7. Migratsiya naseleniya, chislo i sostav semei v SSSR. M., 1974.
20. Rybakovskii L. L. Rossiya i novoe zarubezh'e: migratsionnyi obmen i ego vliyanie na demograficheskuyu dinamiku. M., 1996
21. Rybakovskii L. L. Prikladnaya demografiya. M., 2003.
22. Migratsiya. Statisticheskii sbornik. M., 2013.
23. Identichnost' v stranakh Baltii i SNG. M., 2011
24. Zav'yalova M. V. Etnicheskie avtostereotipy russkikh v stranakh Baltii // www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_zavjalova_baltija.doc
25. Russkie v novom zarubezh'e: itogi etnosotsiologicheskogo issledovaniya v tsifrakh / Otv. red. S. S. Savoskul. M.: Institut etnosotsiologii i antropologii RAN. 1996
26. Savoskul S. S. Russkie novogo zarubezh'ya. M.: Nauka, 2001.
27. Iontsev V. M., Lebedeva N. M., Nazarov M. V., Okorokov A. V. Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii. M.: Potechitel'stvo o nuzhdakh rossiiskikh repatriantov, 2001. S. 29–30
28. Kabuzan N. Russkie v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1917–1989). Formirovanie etnicheskikh granits russkogo naroda. SPb., 1997. S. 307.
29. Zemskov V. N. Rozhdenie 'vtoroi emigratsii'. 1944–1952 // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. № 4. S. 21

30. Iontsev V. M., Lebedeva N. M., Nazarov M. V., Okorokov A. V. Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii. M.: Popenchitel'stvo o nuzhdakh rossiiskikh repatriantov, 2001. S. 78–80.
31. Berri Dzhon V., Purtinga Aip X., Sigall Marshall X. Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primenenie. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2007
32. Tolstoi M. N., Chelyshev E. P., Lupyr'ev A. V. Kongress sootchestvennikov. M., 1992.
33. Lebedeva N. M. Sotsial'naya psikhologiya etnicheskikh migratsii. M., 1993.
34. Edwin Poppe & Louk Hagendoorn. Types of Identification among Russians // Near Abroad. Europa-Asia Studies, Vol.53. № .1, 2001. 57–71
35. Russkaya diaspora v stranakh Pribaltiki. Tallinn, 2012.
36. Buzaev V. V., Nikiforov I. V. Sovremennaya evropeiskaya etnokratiya: narushenie prav natsional'nykh men'shinstv v Estonii i Latvii. M. 2009
37. Ivanov N. B. Russkie v Turkmenii. M., 2000
38. Muradov G. L., Poloskova T. V., Zatulyn K. F. i dr. Spravochnik rossiiskogo sootchestvennika. M.: Russkii mir. 2009
39. Natsional'no-grazhdanskije identichnosti i tolerantnost'. Opyt Rossii i Ukrainy v period transformatsii / Pod red. L. Drobizhevoi, E. Golovakhi. M., 2007
40. Nigmatullina R. K. Problema russkoyazychnogo naseleniya. M., 2010
41. Russkie v blizhnem zarubezh'e. Po materialam sravnitel'nogo etnosotsiologicheskogo issledovaniya v Estonii i Uzbekistane, M., 2010
42. Svyatenkov P. N. Russkie za rubezhom. M., 2006
43. Tul'skii M. S. Itogi perepisi 2001 goda v Litve. Kishinev, 2003
44. Zav'yalova M. V. Etnicheskie avtostereotipy russkikh v stranakh Baltii // www.imk.msu.ru/Publications/Vortrags/rt06russ_zavjalova_baltija.doc
45. Dinamika ispol'zovaniya russkogo yazyka v povsednevnom obshchenii v stranakh postsovetskogo prostranstva (2005–2010 gg.) // <http://www.russkiimir.ru/analytics/tables/news/67943/>
46. Rossiiskaya diaspora v stranakh SNG i Baltii: sostoyanie i perspektivy / pod red. V. M. Skrinnika, T. V. Poloskovo. M., 2004
47. Yatsenko E. Russkii yazyk v dal'nem zarubezh'e. Sposobny li russkoyazychnye sokhranit' velikii i moguchii? // Demoskop Weekly. № 329–330. 2008.
48. Analiticheskii otchet po rezul'tatam issledovaniya 'Regional'naya tolerantnost', ksenofobiya i prava cheloveka v Ukraine v 2012 godu' // www.ihrpex.org/upl/doc/zvit_sich_2013_58_ros_60.docx
49. Khil'ko N. F. Lokalizatsiya mekhanizmov natsional'no-kul'turnoi identifikatsii v narodnykh traditsiyakh rossiyan // Kul'tura i iskusstvo. — 2014. — 3. — С. 300–306. DOI: 10.7256/2222–1956.2014.3.12024.